

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI 10.19181/nko.2022.28.1.1
УДК 327.3

И. А. Селезнёв¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье рассмотрены внешние вызовы безопасности в Центральном-Азиатском регионе (ЦАР), причины межгосударственной нестабильности и возникновения региональных конфликтов. Исследование проведено в рамках теории конфликта. В качестве основных конфликтогенных внешнеполитических факторов в ЦАР действуют: наличие вблизи стран региона очагов военных конфликтов; угроза распространения нестабильности по странам региона и вероятность вооруженных провокаций; деятельность международных террористических и радикальных организаций и группировок, усиление позиций религиозного экстремизма в сопредельных странах вблизи границ стран ЦАР; усиление экономической роли Китая и его проникновение в ЦАР, растущая зависимость стран ЦАР от КНР; проникновение в ЦАР внерегиональных, западных акторов; конфликтогенные межэтнические и межгосударственные противоречия и территориально-пограничные споры. Рассмотрены проблемы приграничного взаимодействия и общего использования водных и энергетических ресурсов в ЦАР. Обозначены причины возникновения межгосударственных конфликтных ситуаций. Это дефицит водных и энергетических ресурсов; территориально-пограничные споры с соседями и притязания некоторых государств на региональное лидерство; неурегулированность территориальных претензий, накопившиеся территориальные споры между государствами ЦАР при недостаточной обоснованности границ. Проанализированы различные подходы к решению проблемы дефицита воды в ЦАР. Даются выводы и прогнозы развития событий относительно развития евразийской интеграции и обеспечения национальных интересов России в ЦАР. Сделан вывод, что в основе наличной и перспективной ситуации в ЦАР лежат сценарии интеграции и конфликта. Эти две категории составляют диалектическую пару, с помощью которой можно понять и описать процессы в ЦАР, да и на всём постсоветском пространстве. Предложены вероятностные сценарии развития интеграционных процессов в странах ЦАР на средне- и долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: Центральном-Азиатский регион, ОДКБ, ЕАЭС, евразийская интеграция, региональные конфликты, внешнеполитическая напряженность, территориальные споры, приграничное взаимодействие, общее водопользование, сценарии развития интеграционных процессов.

Для цитирования: Селезнёв И.А. Евразийская интеграция и межгосударственный конфликтный потенциал стран Центральном-Азиатского региона // Наука. Культура. Общество. 2022. Том 28, № 1. С. 6–19. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.1

Введение. Данным материалом автор продолжает освещать материалы исследования, посвященного конфликтному потенциалу в Центральном-Азиатском регионе (ЦАР), национальным интересам России и перспективам евразийской интеграции.

Поводом для исследования и написания данного цикла статей стал вооруженный пограничный конфликт между Киргизией и Таджикистаном, случившийся 28 апреля - 1 мая 2021 г. В предыдущей статье был рассмотрен внутренний социально-политический конфликтный потенциал в государствах ЦАР. Каждый из рассмотренных внутренних факторов способен запустить или оказаться фоновым условием для реализации негативных сценариев развития [1]. Но существенное количество проблем в Центральной Азии носит трансграничный характер, поэтому судьба каждой из республик ЦАР связана с судьбой соседей. И ниже будут проанализированы внешние и межгосударственные конфликтогенные факторы.

Методология. Методологически исследование проведено в рамках теории конфликта. В работе применяется авторская типология издержек и рисков на пути межгосударственной интеграции:

- Риски роста – все те проблемы и сложности, которые возникают при институционализации интеграционных процессов. К их числу относятся: (1) *экономические риски*; (2) *социальные риски*; (3) *риски безопасности*.
- Имманентные риски – порождаемые самим суверенным государственным статусом стран-участниц ЕАЭС, для которых существует определенная «красная черта» ограничений, дойдя до которой дальнейшие интеграционные продвижения воспринимаются в качестве угрозы суверенитету [2, с. 167–173].

Также использована авторская характеристика особенностей региональных конфликтов (РегК):

(1) РегК можно рассматривать, как опережающее проявление назревающих глобальных конфликтов;

(2) в основе РегК лежат противоречия в сфере экономики, политики, религии и идеологии, и они, как правило, протекают в русле национально-этнических и религиозных столкновений;

(3) РегК отличаются составом участников, в качестве которых выступают административно-территориальные образования или этнические группы;

(4) РегК вовлекают в свою орбиту большие массы населения со своими зонами влияния;

(5) РегК связаны с динамикой и трансформацией восприятия исторических ситуаций;

(6) формированием образа конфликтной ситуации у народа занимается политический менеджмент с активным использованием СМИ [3, с. 79-95].

Результаты. Итак, рассмотрим внешний и межгосударственный конфликтный потенциал в ЦАР.

1) Угроза распространения возникшей нестабильности по странам региона и вероятность вооруженных провокаций; наличие вблизи стран региона очагов военных конфликтов. В первую очередь здесь нужно рассматривать соседство с хронически нестабильным Афганистаном. Все последние десятилетия ситуация в этой стране остается одной из основных угроз региональной безопасности в ЦАР. И в ближайшей перспективе уровень угроз не уменьшится, учитывая падение правящего режима в Афганистане, стремительную эвакуацию американских войск из страны и возвращение к власти «Талибана» (*запрещенная в России террористическая организация*), появление немалого числа афганских политических беженцев в странах ЦАР и превращение Афганистана в теократическое государство, центр радикального исламизма. Прошедший в сентябре 2021 г. в Душанбе саммит ОДКБ выразил обеспокоенность ситуацией гуманитарной катастрофы в Афганистане, высоким уровнем наркопроизводства, служащим одним из основных источников дохода террористических группировок и принял меры по обеспечению безопасности южных рубежей стран ЦАР. При

этом в принятых документах от лица всех стран-членов ОДКБ говорится о неприемлемости размещения на своей территории находившихся в Афганистане объектов военной инфраструктуры США и других стран НАТО, а также афганских граждан, сотрудничавших с иностранными военными – «за исключением случаев, требующих безотлагательного решения в гуманитарных целях»¹.

2) Деятельность международных террористических и радикальных организаций и группировок, усиление позиций религиозного экстремизма в сопредельных странах вблизи границ стран ЦАР. Наиболее серьезным внешним вызовом для ЦАР на ближайшую перспективу остается всё тот же афганский фактор. Согласно данным Глобального индекса терроризма, Афганистан за последние годы, начиная с 2018 г., сохраняет за собой лидирующие позиции в мире по уровню террористической активности². В сегодняшней ситуации возрастает угроза проникновения на территории стран ЦАР под видом беженцев из Афганистана террористов и других деструктивных элементов.

3) Важным фактором становится усиление экономической роли Китая и его проникновение в ЦАР. Возросшую значимость КНР можно наблюдать на примере практически любой из этих стран [4]. Объективные причины для этого процесса состоят в экономической слабости стран ЦАР, росте экономики КНР, сокращении в рамках ЕАЭС инвестиционной активности России (находящейся под экономическими санкциями Запада), наряду с сокращением инвестиционной активности Запада в эти страны, и, наконец, в стремлении самих стран ЦАР диверсифицировать свои экономические интересы. КНР заинтересована в стабильности в ЦАР и с экономической точки зрения (экспорт сырья и энергоресурсов, выход в Восточную Европу и на Ближний Восток) и исходя из вопросов безопасности. По некоторым оценкам, ЦАР уже попал в сферу технологической и экономической зависимости от КНР; военно-политическое влияние России еще сохраняется, но и эта часть постепенно будет делегироваться Китаю. Однако, в каждой республике своей баланс влияния двух стран, который на настоящем этапе поддерживается совместно РФ и КНР³. Хотя, по некоторым прогнозам, из-за обострения ситуации в Афганистане власти КНР для защиты своих экономических проектов могут направить китайских военных советников и инструкторов в страны ЦАР⁴.

Растущая зависимость от КНР будет и дальше сокращать пространство для маневра в отношениях стран ЦАР с Китаем. В каждой из этих стран Пекин отработывает разные инструменты влияния: кредиты, связи с элитами, «мягкую силу». Так, из-за долгов перед китайскими кредиторами правительство Таджикистана было вынуждено передать им права на разработку некоторых месторождений, но в Таджикистане создается прецедент и для включения Китая в сферу безопасности в ЦАР. Геополитика Китая на Памире способствует наращиванию не только экономического, инфраструктурного, но и военного влияния, укрепляя перспективы конечного доминирования Китая в регионе, включая Афганистан, Пакистан и постсоветские страны ЦАР. Происходящее

¹ Совет коллективной безопасности 16 сентября в Душанбе обсудил проблемы международной и региональной безопасности и их влияние на безопасность государств – членов ОДКБ // Официальный сайт ОДКБ. 16 сентября 2021. URL: <https://u.to/PUkQNA> (дата обращения 17.11.2021).

² Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney: Institute for Economics & Peace, November 2020. 109 p.

³ *Большот И.* Растущее влияние Китая в ЦА: неизбежность или стратегия развития региона? // Ритм Евразия. 18 мая 2021. URL: <https://u.to/C0kQNA> (дата обращения 17.11.2021).

⁴ *Кондратьева В.* Эксперт предсказал приток китайских инструкторов в страны Центральной Азии // Lenta.Ru. 30 июля 2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/07/30/pritekut/> (дата обращения 17.11.2021).

в Таджикистане может стать моделью для реализации новой стратегии Китая во всем ЦАР, которая еще меньше будет опираться на «мягкую силу». По некоторым оценкам, именно здесь может быть положено начало конкуренции Китая и России, которая способна привести к непредсказуемым результатам⁵. Но стоит отметить, что экономическое и политическое проникновение КНР стало вызывать политические спекуляции различных политических сил, как акцентирующих возникающие угрозы и риски национальному суверенитету, так и подчеркивающих преимущества экономической активности КНР. Но периодически возникающие массовые антикитайские настроения в странах ЦАР используются там во внутривнутриполитической борьбе⁶.

4) Включение в процесс внерегиональных акторов (США, ЕС, Турция). Потенциально влияют на обстановку в ЦАР противоречия между крупными мировыми державами, вовлеченными в центральноазиатские дела (США и их союзники, КНР, Россия): американско-российские противоречия и американско-китайские. А это ведет к разнонаправленному давлению на страны ЦАР, к тому, что внерегиональные игроки могут воспользоваться негативными с точки зрения обеспечения безопасности государствами тенденциями в своих интересах [5]. Учитывая вывод военного контингента США из Афганистана и падение там правящего режима, не станет ли возможным размещение баз НАТО в постсоветских государствах ЦАР? В связи с этим директор СВР России С. Нарышкин призвал страны региона не допустить такого поворота событий⁷.

5) Серьезной проблемой в ЦАР являются конфликтогенные межэтнические и межгосударственные противоречия и территориальные претензии. Споры эти особенно затрагивают Киргизию, Таджикистан, Узбекистан. Можно обозначить следующие причины возникновения конфликтных ситуаций:

- а) Ограниченные ресурсы в густонаселенном регионе с засушливым климатом создают почву для возникновения напряженности и обострения межэтнических противоречий, как внутри государств, так и между ними. Дефицит водных и энергетических ресурсов, а также проблема ограниченности доступа к пастбищам и дорогам в ЦАР порождает соперничество как жителей приграничных сёл, так и государств, в частности, споры между странами по поводу раздела вод трансграничных рек⁸. В случае возникновения инцидентов между гражданами разных государств по поводу дележа ограниченных ресурсов это придает конфликту социально-экономическую окраску [6, с. 77]. Но тогда срабатывают закономерности: политико-экономические конфликты провоцируют возникновение вооружённых конфликтов и войн, коэффициент корреляции довольно значительный и равняется 0,64 [7, с. 67–68].
- б) Провоцируют региональные конфликты сложные процессы национально-территориального формирования государственных идеологий, незавершенные в государствах ЦАР, компонентом которых часто становятся территориально-пограничные споры с соседями, а также притязания некоторых государств на региональное лидерство [6, с. 77].

⁵ Плотников Д. Пекинская удавка. Китай вкладывает в Таджикистан большие деньги. Чем республика будет отдавать долги? // Lenta.Ru. 01 июня 2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/01/zhyzn_vzaimu/ (дата обращения 17.11.2021).

⁶ 10 наиболее важных событий в Центральной Азии в 2019 году // ASIA-Plus. 28 февраля 2019. URL: <https://u.to/3UkQNA> (дата обращения 17.10.2021).

⁷ Нарышкин: США хотят отправить войска из Афганистана в соседние страны // РИА Новости. 19 мая 2021. URL: <https://ria.ru/20210519/naryshkin-1733020836.html> (дата обращения 17.11.2021).

⁸ Люди гибнут из-за жажды: что не поделили Киргизия и Таджикистан // RuNews 24. 04 мая 2021. URL: <https://u.to/K0oQNA> (дата обращения 17.11.2021).

в) Неурегулированные территориальные претензии между государствами ЦАР, накопившиеся территориальные споры при недостаточной обоснованности границ, зачастую произвольно проведенных между союзными республиками в советский период. На сегодняшний день лишь только Казахстан (кстати, первым из республик бывшего СССР) полностью завершил делимитацию и демаркацию своей государственной границы⁹. При отсутствии общепризнанной делимитации и демаркации границ, каждая из стран способна интерпретировать в свою пользу разночтения в их положении. В первую очередь, это актуально для ситуации в Ферганской долине, которую между собой делят Узбекистан, Таджикистан и Киргизия. Особенностью государственных границ в ЦАР стало и наличие множества анклавов/эксклавов. Внутри Киргизстана находятся принадлежащие Узбекистану территории Джангайл, Сох, Чон-Гара, Шахимардан и принадлежащие Таджикистану Ворух и Западная Калача; а в Узбекистане – эксклавы Киргизии (Барак) и Таджикистана (Сарвак). И эти анклавы служат яблоком раздора между граничащими республиками. По мнению британского социального антрополога М. Ривс, наложение государственной территориальности в Ферганской долине часто речет по живому через родство, веру, дружбу, работу и торговлю [8]. Так, конфликты вокруг Воруха происходили ещё в советское время (1974, 1989 гг.), но даже тогда союзный центр не смог политически решить эту проблему, хотя сумел погасить столкновения. А после распада СССР и обретения республиками независимости конфликты стали более ожесточенными. Участниками «ворухской заварухи» были уже не только жители приграничных сёл, но и воинские подразделения. Соответственно, интенсивность варьировалась от кидания камней друг в друга до использования пулемётов и миномётов. За период 2018–2021 гг. на таджикско-киргизской границе было зафиксировано только крупных 9 инцидентов¹⁰.

Ситуацию на киргизско-таджикской границе на протяжении лет подогревают и западные НКО, которые в условиях политической «многовекторности» Киргизии и Таджикистана безнаказанно расшатывают систему безопасности в ЦАР. Показательна деятельность финансируемого правительством Норвегии «Центра поддержки джамоата Ворух», способствующая формированию «благоприятных условий для приобретения новых возможностей самовыражения в процессах принятия решений», а фактически провоцирующая конфликты между жителями приграничных районов двух стран ОДКБ. Или конкурс для журналистов Киргизии и Таджикистана на лучшее освещение приграничных вопросов, организованный в 2019 г. академией Deutsche Welle¹¹.

В те самые дни, когда в конце апреля 2021 г. в Душанбе проходило заседание Комитета Совбезов стран ОДКБ на спорных приграничных территориях Баткенской (Киргизстан) и Согдийской (Таджикистан) областей случился конфликт, суммарно унесший более 50 жизней с обеих сторон. С началом весенних сельхозработ расход воды увеличивается, что и послужило причиной обострения конфликта между киргизами и таджиками. Поводом для начала столкновений стал спор из-за водораспределительного пункта «Головной» в верховьях

⁹ Белокопъ А. Почему решение вопроса госграниц Казахстана называют большой дипломатической победой // Nur.kz. 24 мая 2021 URL: <https://u.to/xkoQNA> (дата обращения 17.11.2021).

¹⁰ Уваров А. Киргизия – Узбекистан – Таджикистан: что делать с этими границами? // Фонд стратегической культуры: [сайт]. 18 апреля 2021. URL: <https://u.to/FEsQNA> (дата обращения 17.11.2021).

¹¹ Арешев А. Кто стоит за вооруженным конфликтом между членами ОДКБ? // Военно-политическая аналитика: [интернет-журнал]. 17 мая 2021. URL: <https://u.to/hkwQNA> (дата обращения 17.11.2021).

реки Исфары. Власти обеих стран считают, что он находится на их территории и там на протяжении лет периодически возникали межэтнические осложнения между жителями приграничных сёл. Конфликт гражданских лиц перешел в боестолкновения с участием военнослужащих. Беспрецедентность конфликта состоит в накале и масштабах противостояния, киргизско-таджикский конфликт 2021 г. принципиально отличается от всех предыдущих тем, что стычки проходили сразу на нескольких участках границы.

Кроме того, можно вспомнить и произошедшие 31 мая 2020 г. столкновения между жителями сёл Чечме Кадамджайского района (Киргизия) и Чашма в анклаве Сох (Узбекистан). По официальным сообщениям, конфликт при имеющемся дефиците воды начался из-за споров о том, какой стране принадлежит родник Чашма, обеспечивающий питьевой и поливной водой жителей как узбекской, так и киргизской стороны¹². Киргизско-таджикские отношения продолжают оставаться далёкими от нормализации, постоянно происходят пограничные инциденты. Так, 8 июня 2021 г. опять произошла интенсивная перестрелка между пограничниками Киргизии и Таджикистана¹³.

Обсуждение. Национализм часто бывает связан с болезненной рефлексией и комплексом неполноценности. Политическая практика национализма неизбежно сопряжена с дискриминацией этнических меньшинств и способна приводить к острым конфликтам вплоть до гражданских войн [9, с. 2710]. По некоторым экспертным оценкам, границы в ЦАР являются местом, где сообщества проецируют свои страхи друг на друга. Страх там становится катализатором формирования идентичности в трансграничных сообществах и закрепляет восприятие коллективной небезопасности даже в периоды затишья и способствует появлению сильных пограничных этнических идентичностей, усиленных новыми националистическими идеологиями и ассоциациями типа «мы против них». Поэтому даже мелкие споры в ЦАР могут обрести черты этнической поляризации [10, с. 1–20].

Трансграничный характер бассейнов основных рек является одной из важнейших геоэкономических черт ЦАР. Сразу после распада Союза ССР и обретения независимости союзными республиками был создан механизм регулирования водных ресурсов в ЦАР. В феврале 1992 г. было подписано соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и была учреждена Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК), а также бассейновые водохозяйственные объединения на Амударье и Сырдарье. Очередное, 80-е заседание МКВК прошло в мае 2021 г. По мнению специалистов, этот механизм ещё остаётся жизнеспособным, хотя к его работе за годы работы накопилось много нареканий¹⁴.

Общая проблема водопользования заключается в распределении энергетической и ирригационной специализации между государствами: Киргизстану и Таджикистану достались крупные каскады ГЭС и водохранилища, а Узбекистану, Казахстану и Туркменистану – разветвленная система мелиорации с искусственными регуляторами воды. Эти отраслевые сегменты национальных экономик в различной степени зависимы друг от друга. Страны, лежащие в зоне формирования водостока трансграничных рек, нуждаются в развитии гидроэнер-

¹² Конфликт на кыргызско-узбекской границе 31 мая // Sputnik Кыргызстан. 2021. URL: <https://u.to/rUQNA> (дата обращения 17.10.2021).

¹³ На границе Киргизии и Таджикистана произошла перестрелка // РИА Новости. 24 июля 2021. URL: <https://ria.ru/20210724/perestrelka-1742667975.html> (дата обращения 17.11.2021).

¹⁴ Каражанов З. Вода – всему голова. Тем более – в Центральной Азии // Ритм Евразии: [сайт]. 30 мая 2021. URL: <https://u.to/hFUQNA> (дата обращения 17.11.2021).

гетики, являющейся для них практически главным стратегическим ресурсом. В нижнем течении, где традиционно используется поливное земледелие, вода остается жизненной основой для сельскохозяйственной деятельности крупных оазисов. Но недостаток доверия в этом вопросе между государствами ЦАР затрудняет развитие этой сферы. Проблема не может быть принципиально решена в пользу эгоистической выгоды только одной из сторон. Так, киргизский политолог К. Токтомушев в качестве основных причин таджико-киргизской напряженности называет не только милитаризацию границ, но и неэффективное использование природных ресурсов обеими странами: нехватка воды в ЦАР обусловлена её использованием, а не реальным количеством водных ресурсов. Гидромелиоративная структура в ЦАР носит трансграничный характер, но ни Киргизстан, ни Таджикистан не хотят вкладывать деньги в водные системы вне своих границ [11, с. 34–37].

Потребность стран ЦАР в большом водном проекте остается довольно острой, но она упирается в поиск взаимоприемлемого решения. Теоретически, существовало два различных подхода к решению проблемы дефицита воды в ЦАР:

- а) Получение водных ресурсов из-за рубежа путем изменения русел полноводных рек и ввода в строй новых гидротехнических сооружений. Но тут следует вспомнить, как в 1980-ые гг. при активном участии гражданского общества, АН СССР, экологов и гуманитарной интеллигенции был отвергнут грандиозный мега-план «поворота сибирских рек в республики Средней Азии», чреватый катастрофическими экологическими последствиями для многих регионов Российской Федерации. Неудачная попытка реанимировать его уже в 2000-е гг., по предложению бывшего на тот момент мэром Москвы Ю. Лужкова, лишь подтверждает одиозность и неприемлемость для России этого варианта.
- б) Повышение эффективности использования уже имеющихся водных ресурсов, кооперация возможностей и сил в рамках ЕАЭС. Ведь ЦАР лидирует в СНГ по потерям воды и уровню ее загрязнения. Достаточно показательна проблема пересыхания Аральского моря, обмеления Амударьи. Отдельной проблемой остаётся вопрос о достройке комплекса из нескольких ГЭС на территории Киргизии и Таджикистана. Структуры евразийской интеграции, как и российский бизнес способны и могли бы взять на себя роль лидера в реализации этого водно-энергетического проекта и не ждать, когда таким лидером рано или поздно станет какой-нибудь другой геополитический актор.

И стоит отметить первые шаги на этом пути. В июле 2021 г. Евразийский банк развития (ЕАБР) представил аналитический доклад «Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии». Отмечается, что в течение 3 десятилетий суверенитета государств ЦАР произошло ослабление регионального сотрудничества в водно-энергетическом комплексе (ВЭК), которое было сопряжено с курсом на самодостаточность энергосистем. При этом, основным источником финансирования государственных инициатив в ВЭК ЦАР являются международные финансовые институты. В водном сегменте развитие ЦАР происходит в условиях истощения водных ресурсов при ограниченном объеме инвестиций. Это свидетельствует о том, что ключевой принцип ВЭК ЦАР, подразумевающий, что вода важнее энергии, не соблюдается¹⁵.

¹⁵ Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии: Доклады и рабочие документы 21/3 / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, Н. Усманов, Т. Цукарев, Т. Сарсембеков. Алматы-Москва: Евразийский банк развития, 2021. URL: https://eabr.org/upload/iblock/185/EDB_WEC_CA_Report_RU_web.cleaned.pdf (дата обращения 17.11.2021).

По мнению авторов доклада, перед странами ЦАР стоят серьезные вызовы. А) В энергетическом секторе:

- высокий уровень износа электросетевого комплекса и генерирующих мощностей (удельный вес мощностей возрастом свыше 30 лет составляет от 44 до 75%);
- высокий уровень потерь электроэнергии (7–20% производства в некоторых странах);
- разбалансированность производства и потребления электроэнергии (потеря 11 млрд кВт ч экспортного потенциала);
- снижение надежности энергоснабжения в Узбекистане и на юге Казахстана в результате нехватки маневренных мощностей и неиспользования ГЭС соседних стран;
- нерациональное использование гидроэлектроэнергии, проявляющееся через сезонный дефицит и холостые сбросы воды, как результат несоответствия пиков производства и потребления (согласно ПАО «Русгидро», ежегодный объем неудовлетворенного спроса в Кыргызстане и Таджикистане оценивается в 1,5–3 ТВт ч и 4–4,5 ТВт ч);
- страновые различия в правовых механизмах и инструментах регуляторной и тарифной политики.

Б) В водном комплексе:

- сокращение объемов водообеспечения для стран бассейна Аральского моря до 1,4 тыс. куб. м. на человека в год при критичном пороге в 1,7 тыс. куб. м. и усиление дефицита водных ресурсов в низовье водных бассейнов в результате сокращения ледников и запасов талой воды;
- высокий уровень засоленности и заболоченности орошаемых земель (около 50%) в результате износа водохозяйственной системы (насосных станций, магистральных каналов, оросительной и коллекторно-дренажной сети);
- нарушение проектных режимов работы водохранилищ и ГЭС;
- потеря многолетней регулирующей способности водохранилищ и нарастание критического недостатка воды на ирригационные цели даже в многоводные годы;
- отсутствие эффективного межгосударственного регулирования водных ресурсов, необходимого для удовлетворения неравномерных в течение года потребностей в воде для ирригации;
- противоречие интересов стран верховья и низовья бассейна трансграничных рек относительно режима использования водных ресурсов и др.¹⁶

Таким образом, основные проблемы в ВЭК ЦАР остаются связанными с нарастающим дефицитом водных ресурсов. Проблемы устойчивости энергетического сегмента ВЭК ЦАР многочисленны, и для противодействия им каждая страна региона ищет свое решение.

Согласно докладу ЕАБР, ослабление сотрудничества в ВЭК ЦАР за 2000-е гг. совпало с увеличением нагрузки на энергетический сектор. Формирование энергосектора происходило в контексте реализации государственных программ в ЦАР. С учетом структуры собственности и специфики инвестиционных проектов в ВЭК ЦАР государство там играет ключевую роль в его развитии. Значение государства и государственных компаний проявляется на уровне разработки концепций развития комплекса, определения тарифной политики, поиска источников финансирования, реализации проектов и др.

¹⁶ Там же.

В 2020 г. лидерами по объемам инвестиций являлись Казахстан (2,783 млрд долл., или 1,6% ВВП) и Узбекистан (1,377 млрд долл., или 2,4% ВВП). В Таджикистане и Кыргызстане инвестиции в капитал ВЭК составили соответственно 507 млн долл. (6,3% ВВП) и 89 млн долл. (1,2% ВВП). В Таджикистане бюджетные ограничения не стали препятствием для проведения активной инвестиционной государственной политики за счет внешних заимствований. Что касается Киргизии, то слабые инвестиционные показатели в ВЭК страны обусловлены ограниченными государственными доходами, а также заниженными тарифами, которые не покрывают себестоимости производства электроэнергии¹⁷.

В условиях недостаточной инвестиционной привлекательности ВЭК большинства стран ЦАР для частного капитала и иностранных инвесторов важным источником финансовых ресурсов для государственных инициатив выступают многосторонние банки развития (МБР). На данный момент в стадии реализации находится 104 проекта. Лидером по объему финансирования является Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) с портфелем в 3,3 млрд долл., или 32,7% от общего объема финансирования МБР в ЦАР. Следом идут Всемирный банк (ВБ) – 3,0 млрд долл. (29,6%) и Азиатский банк развития (АБР) – 2,6 млрд долл. (26,2%). На долю Евразийского банка развития (ЕАБР) и Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР), Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в совокупности приходится 1,2 млрд долл. (11,5%) (см. табл. 1).

Таблица 1

Участие МБР в финансировании инвестиционных проектов ВЭК ЦАР

Банки	Доля в общем объеме финансирования ЦАР, %	Сумма финансирования, млрд \$
ЕБРР	32,7	3,318
ВБ	29,6	3,0
АБР	26,2	2,6
ЕАБР, ЕФСР	6,7	0,677
ЕИБ	3,8	0,389
АБИИ	1,1	0,107
Итого	100	10,155

Источник: ЕАБР.

Несмотря на борьбу с последствиями пандемии COVID-19, МБР продолжили финансирование ВЭК ЦАР. В 2020 г. МБР было одобрено финансирование по 24 проектам в ВЭК ЦАР на общую сумму 1,8 млрд долл. Оценки ежегодного ущерба и нереализованных экономических выгод неэффективного использования ресурсов ВЭК ЦАР находятся в диапазоне 1,3–4,5 млрд долл. Таким образом, ежегодная оценка потерь достигает 1,5% регионального ВВП. Около 40% приходится на водное хозяйство, 60% на электроэнергетику. Устранение потерь даст региону 22 млрд долл. к 2025 г.¹⁸

Можно согласиться с выводом аналитиков ЕАБР, что при планировании развития гидроэнергетики и ирригации необходимо учитывать особенности

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

бассейна и формирования его водных ресурсов, трансграничный характер водопользования, рост населения и нарастающий дефицит воды, ухудшение экологической ситуации. Поставка электроэнергии за пределы региона должна быть синхронизирована с режимом межгосударственного водопользования. Без учета этого условия экспорт электроэнергии на внешние рынки, то есть за пределы замкнутого водного бассейна (региона) с ограниченными водными ресурсами, может стать фактором, негативно воздействующим на межгосударственные отношения, энергетическую и водную, продовольственную и экологическую безопасность стран ЦАР.

По имеющимся экспертным оценкам, неэффективное использование природных ресурсов или милитаризация границ могут проистекать от отсутствия основанного на фактических данных принятия решений в государствах ЦАР [11, с. 39]. Тем не менее, нельзя не согласиться с точкой зрения, что причиной социальных катастроф становится непродуманная управленческая или сознательная целенаправленная деятельность по разрушению социальных общностей и государственных систем, изменению социально-политического строя, уничтожению политических союзов, цивилизаций [12, с. 65].

Хотя, как мы видим, для ЕАБР и ЕФСР в инвестициях в ЦАР не слишком велика, но это не значит, что интеграционные евразийские объединения обладают малым потенциалом воздействия на ситуацию в регионе. Ведь статистические данные по экономике стран фиксируют, что евразийская интеграция в рамках ЕАЭС способствует взаимовыгодному сотрудничеству государств-членов и создает условия для поддержания благополучия их экономик и населения в будущем. Евразийская интеграция имеет большой социально-экономический резерв и потенциал. В настоящее время задействована лишь небольшая часть его возможностей. Наибольший социально-экономический эффект от евразийской интеграции можно получить путем сплочения усилий, возможностей и желаний гражданских обществ и властей государств-членов ЕАЭС [13, с. 68]. Вопреки возникшим злорадным мнениям о «неэффективности» механизма ЕАЭС и ОДКБ в предотвращении и преодолении возможных конфликтов существуют экономические механизмы разрешения противоречий. Возможно предложение со стороны евразийских объединений посреднических услуг конфликтующим сторонам (создание органов быстрого реагирования и разведения конфликтующих сторон, «дорожная карта» размежевания, арбитраж и т.п.). ОДКБ может оказывать своим членам помощь в делимитации и демаркации границ, оборудовании техническими средствами спорных участков границ и зон конфликтов, охране стратегических объектов, ликвидации последствий катастроф, природных катаклизмов и эпидемий и др. Кроме того, есть позитивный карабахский прецедент использования миротворческих сил. Если сами конфликтующие стороны в ЦАР неспособны прийти к компромиссному решению, то возможно было бы и введение коллективных миротворческих сил ОДКБ с созданием военной базы. Но рост нестабильности в странах ЦАР показал нехватку механизма урегулирования споров между странами-членами ОДКБ, в том числе договорно-правовой базы в сфере безопасности, недостаточность прав ОДКБ на введение наблюдателей и миротворческих сил в зоны конфликтов, отсутствие посреднических групп и недостаточность взаимно обязывающих процедур¹⁹. И эти вопросы требуют решения.

¹⁹ Попова В. ОДКБ: не спешите нас хоронить // Ритм Евразии: [сайт]. 09 июня 2021. URL: <https://u.to/klUQNA> (дата обращения 17.11.2021).

Заключение. Анализ положения позволяет прийти к выводу, что в основе наличной и перспективной ситуации в ЦАР лежат сценарии интеграции и конфликта. Таким образом, эти две категории составляют диалектическую пару, с помощью которой можно понять и описать процессы в ЦАР, да и на всём постсоветском пространстве. На основании рассмотренного материала мы видим, что в основе источников нестабильности и конфликтного потенциала в странах ЦАР лежат как «риски роста», так и «имманентные риски». Исходя из этого, можно предложить ряд сценариев развития евразийской интеграции в ЦАР на средне- и долгосрочную перспективу:

Сценарий № 1: «евразийская интеграция». Углубленная интеграция ЦАР в общее евразийское пространство экономических и политических союзов вокруг России. Хотя данный проект частично уже осуществляется в формате ЕАЭС и др. интеграционных объединений, суть вопроса заключена в интенсивности процесса. Мы наблюдаем «имманентные» интеграционные риски и препятствия в силу приверженности элит новых независимых государств ЦАР принципу суверенитета, наличие внутренних ограничений в их интеграционной политике.

Сценарий № 2: «инерционный статус-кво». Сохранение основных имеющихся тенденций развития во внутренней и внешней политике каждой из отдельно взятых стран и в ЦАР в целом. Сохранение политических режимов, преобладание элит, достаточно плавный транзит власти новым поколениям политического класса. Под лозунгом многовекторности внешней политики участие в евразийских интеграционных объединениях будет носить ситуационно-утилитарный или формально-декоративный характер. При этом государства ЦАР параллельно будут участвовать и в экономических, политических и военных союзах, не связанных с участием России. Сохраняются формально светские общества с внешними атрибутами демократических республик, но во внутренней политике в противовес возможной исламизации нарастает тенденция на этнократию.

Сценарий № 3: «чужеродное поглощение». Выпадение ЦАР из орбиты России, падение правящих режимов, приход к власти контрэлит (исламистских или прозападных – этнократических, антирусских), вступление государств ЦАР в антироссийские (и антикитайские) военно-политические союзы. В связи с выводом войск США из Афганистана, падением там правящего режима, возвращением к власти «Талибана» (*запрещенная в России террористическая организация*) и становлением там теократического государства, центра радикального политического исламизма, возрастает угроза переноса военного конфликта слабой и средней интенсивности на территорию постсоветских стран ЦАР, риска крушения светских режимов и замены государственности на исламскую теократическую, с возможным распадом национальных государств и поглощением региона «исламским халифатом».

Сценарий № 4: «переформатирование границ». Изменение границ в ЦАР, ряд из государств прекратит свое существование или изменит свою площадь, присоединившись целиком или частично-регионально к соседним странам.

Сценарий № 5: «комбинированный». Параллельное развитие и сочетание сценариев №№ 1, 2, 3 4 для разных государств. Возможно более активное участие в евразийской интеграции одних из государств ЦАР и дистанцирование от нее, изоляционизм, распад или присоединение каким-либо иным союзам других стран.

Библиографический список

1. *Селезнёв, И. А.* Евразийская интеграция и внутренний конфликтный потенциал стран Центрально-Азиатского региона // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 4. С. 6-16. DOI: 10.19181/пко.2021.27.4.1.
2. *Селезнёв, И. А.* О первых итогах евразийской интеграции, достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 164-176. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51488.
3. *Евсеев, В. О., Селезнёв, И. А.* Конфликт-менеджмент и методы исследования региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3. С. 79–95. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.07.
4. Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса / Под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина. М. : ИМЭМО РАН, 2012. 150 с. ISBN 978-5-9535-0331-0.
5. *Фомин, М. В.* Постсоветское пространство // Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение : Сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам за 2009 год. М. : Совет Федерации, 2010. С. 172–180.
6. *Мальшева, Д. Б.* Вызовы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2014. № 1. С. 76-94.
7. *Евсеев, В. О.* Методология применения экспертных систем для анализа региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3. С. 65-78. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.06.
8. *Reeves, M.* Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014. 312 p. ISBN 978-0-8014-4997-0.
9. *Гудименко, Д. В.* Национализм в современном мире: типологизация и формы проявления // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, № 10 (79), С. 2710-2719. DOI: 10.35775/PSI.2021.79.10.003.
10. *Matveeva, A.* Divided We Fall... or Rise? Tajikistan-Kyrgyzstan border dilemma // Cambridge Journal of Eurasian Studies. 2017. No. 1. Pp. 1-20. DOI: 10.22261/94D4RC.
11. *Токтомушев, К.* Понимание трансграничного конфликта в постсоветской Центральной Азии: случай Кыргызстана и Таджикистана // Connections. Quarterly Journal. 2018. Vol. 17, № 1. С. 23-46. DOI: 10.11610/Connections.rus.17.1.02.
12. *Фомин, М. В.* Россия. Матрица социальной (не)стабильности // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 8. С. 56–68.
13. *Левашов, В. К.* Российское гражданское общество и государство в процессах евразийской интеграции / В. К. Левашов, И. С. Шушпанова, В. А. Афанасьев, О. П. Новоженина // Наука. Культура. Общество. 2019. № 3–4. С. 66–77. DOI: 10.38085/2308829X-2019-3-4-66-77.

Дата поступления в редакцию: 14.12.2021.

Принята к печати: 11.01.2022.

Сведения об авторе:

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: igdrake@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 74352

ORCID: 0000-0003-2862-9444

ResearcherID (Web of Science): J-8175-2018

Scopus: ID 57203573051

I. A. Seleznev¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

EURASIAN INTEGRATION AND THE INTERSTATE CONFLICT POTENTIAL OF THE COUNTRIES OF THE CENTRAL ASIAN REGION

Abstract. The article considers external security challenges in the Central Asian region (CAR), the causes of interstate instability and the emergence of regional conflicts. This study was conducted within the framework of the theory of conflict. The main conflict-causing foreign policy factors in the CAR are: the presence of hotbeds of military conflicts near the countries of the region; the threat of the spread of instability in the countries of the region and the likelihood of armed provocations; the activities of international terrorist and radical organizations and groups, the strengthening of the positions of religious extremism in neighboring countries near the borders of the CAR countries; the strengthening of China's economic role and its penetration into the CAR, the growing dependence of the countries of the region on the PRC; the penetration of extra-regional, Western actors into the CAR; conflicting interethnic and interstate contradictions and territorial-border disputes. The problems of cross-border interaction and the general use of water and energy resources in the CAR are considered. The reasons for the emergence of interstate conflict situations are indicated. These are the shortage of water and energy resources; territorial and border disputes with neighbors and the claims of some states to regional leadership; unresolved territorial claims, accumulated territorial disputes between the CAR states with insufficient validity of borders. Various approaches to solving the problem of water scarcity in the CAR are analyzed. Conclusions and forecasts of developments regarding the development of Eurasian integration and ensuring Russia's national interests in the CAR are given. It is concluded that the current and prospective situation in the CAR is based on integration and conflict scenarios. These two categories make up a dialectical pair, with the help of which it is possible to understand and describe the processes in the CAR, and throughout the post-Soviet space. Probabilistic scenarios of the development of integration processes in the Central Asian countries for the medium and long term are proposed.

Keywords: Central Asian region, CSTO, EAEU, Eurasian integration, regional conflicts, foreign policy tensions, territorial disputes, cross-border cooperation, common water using, scenarios for the development of integration processes.

For citation: Seleznev I.A. (2022) Eurasian integration and the interstate conflict potential of the countries of the Central Asian region. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. № 1. P. 6–19. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.1

References

1. Seleznev, I. A. (2021) Eurasian integration and the internal socio-political conflict potential of the Central Asian region. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. No. 4. Pp. 6–16. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.1 (in Russ.).
2. Seleznev, I. A. (2020) On the first results of Eurasian integration, achievements and risks of the Eurasian Economic Union. *Socialno-gumanitarniye znaniya*. No. 6. Pp. 164–176. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51488 (in Russ.).
3. Evseev, V. O., Seleznev, I. A. (2021) Conflict management and methods of research of regional conflicts. *CITISE*. No. 3. Pp. 79–95. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.07 (in Russ.).
4. *The Trends of World Social-Political Development under the Crisis conditions* (2012) Ed. by E. Sh. Gontmakher, N. V. Zagladin. M.: IMEMO RAS Publ. 150 p. ISBN 978-5-9535-0331-0 (in Russ.).
5. Fomin, M. V. (2010) Post-Soviet space. In: *Russia in the New Century: a Foreign policy dimension*: collection of articles. M., 2010. Pp. 172–180 (in Russ.).
6. Malysheva, D. B. (2014) Security challenges in Central Asia. *Russia and the Muslim World*. No. 1. Pp. 76–94 (in Russ.).

7. Evseev, V. O. (2021) Methodology of the application of expert systems for the analysis of regional conflicts. *CITISE*. No. 3. Pp. 65-78. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.06 (in Russ.).

8. Reeves, M. (2014) *Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 312 p. ISBN 978-0-8014-4997-0 (in Eng.).

9. Gudimenko, D. V. (2021) Nationalism in the contemporary world: typologization and ways of manifestation. *Issues of National and Federative Relations*. Vol. 11. No. 10 (79). Pp. 2710-2719. DOI: 10.35775/PSI.2021.79.10.003 (in Russ.).

10. Matveeva, A. (2017) Divided We Fall... or Rise? Tajikistan-Kyrgyzstan border dilemma. *Cambridge Journal of Eurasian Studies*. No. 1. Pp. 1-20. DOI: 10.22261/94D4RC (in Eng.).

11. Toktomushev, K. (2018) Understanding the cross-border conflict in post-Soviet Central Asia: the case of Kyrgyzstan and Tajikistan. *Connections. Quarterly Journal*. Vol. 17. No. 1. Pp. 23-46. DOI: 10.11610/Connections.rus.17.1.02 (in Russ.).

12. Fomin, M. V. (2010) Russia. The matrix of social (non)stability. *World economy and international relations*. No. 8. Pp. 56-68 (in Russ.).

13. Levashov, V. K. [et al] (2019) Russian civil society and state in processes of the Eurasian integration. *Science. Culture. Society*. Vol. 25. No. 3-4. Pp. 66-77. DOI: 10.38085/2308829X-2019-3-4-66-77 (in Russ.).

The article was submitted on December 14, 2021.

Accepted on January 11, 2022.

Information about the author:

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, Associate Professor, Leading Researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

e-mail: igdrake@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2862-9444

ResearcherID (Web of Science): J-8175-2018

Scopus: ID 57203573051